

Туча

Рассказ

НА ТРЕТЬЕЙ ПЕРЕМЕНЕ подошла Света, пухленькая секретарша, не очень красивая, так себе, с молочным лицом и странной прической, сказала, что так и так, вызывает. Я поглядел на неё, когда закончила, на вытаращенные на меня глазки, полные любопытства и, как я заметил, сожаления, но любопытства все ж больше. Я подумал, верно ведь, что-то знает, пронюхала, иначе не стояла бы так передо мной в нерешительности, но говорить боится, видно, не хочет вылететь.

— Ладно, — киваю головой я. — Спасибо, после уроков обязательно зайду.

Пухленькая секретарша еще немного постояла, кивнула, а потом быстрыми шажками заторопилась к лестнице.

— Ну так что? Решать что-то нужно, вы сами понимаете, — директриса сидит против света, её стол расположен так, чтобы не было видно лица, я знаю, о, точно знаю, что сделала она это специально. Когда заносили мебель в пахнущий еще краской кабинет, новенький, только что отремонтированный, она спрашивает у грузчиков, хихикая: скажите, любезные, а как мне поста-

вить стол так, чтобы не было видно лица, если я кого-то решушь вдруг уволить? Понимаете, сама-то я женщина добрая, вы сами в том можете убедиться, я очень хорошо готовлю, у меня, конечно, нет мужа и вообще я одна, но ведь это не отнимает моей доброты. Ну, посмотрите на меня, почему вы не слушаете? Я, понимаете, понимаете, я ведь и не хочу никого увольнять — ни сейчас, ни прежде, так само получается, не знаю, правда, как, вот чувствую, что человек школе не нужен, что это не его, что случаются какие-либо эксцессы, а сама я тут вовсе не при чем, я добрая и умею готовить прекрасные пирожки с мясом. Вы хотите их попробовать? О, да вы просто обязаны! Такие пирожки, еще моя мама раньше говорила, пока не умерла, Царство ей Небесное, что чего-чего, а готовить — это у меня талант. Ну так что же, где мне поставить стол? Мне обязательно нужно так, чтобы не было лица...

Около трех часов дня, мой класс на улице, я слышу их возню, лепечут что-то друг другу, пицчат. Я слышу (да-да, именно слышу, потому что это *мои* дети и я только их!), как бежит по асфальтовой дорожке Юля со светлыми хвостиками чуть выше, где-то сантиметра на два, от окончания маленьких ушек; я слышу Юлю, которой девять лет, у которой есть пес Дюк и еще она очень любит читать (я даже как-то подарил

ей «Снежную королеву»). Солнце пристально смотрит прямо на меня, но не осудительно, скорее из интереса. Я подумал, что, наверное, и солнце директриса хотела заполучить к себе в рабство, чтобы оно слепило тех, кого она призывает к ответу, но оно не такое, о нет, нет, смеюсь я, ну разве *оно так может?*

Я поднимаю глаза на директрису, вижу один её силуэт, силуэт её тучного тела и тотчас в нос мне вливается запах её душистых духов, пленки пота на плечах, на её жирных, рыхлых плечах.

Я не вижу ничего, кроме черного очертания её мощного тела, похожего скорее на облако, на черную расплывчатую тучу, чем на тело пятидесятилетней женщины, все еще женщины, но уже какой-то другой, с оттенком не то выцветшей зрелости, не то опьяняющей тлетворности.

Один раз она подошла ко мне, сказала, что ей нужен журнал, что она ищет его и что нигде не может найти, а я ответил тогда, что вот же он, прямо тут, берите ради бога, я никого не хочу стеснять, только верните потом, мне он еще понадобится, а она улыбнулась, взяла его темно-синее плотное тело и поглядела на меня. Вы пробовали мои пирожки, спрашивает она, они очень хороши, вы не думайте, я ведь умею готовить, а то представляете, никто и не верит! Мне еще мама, Царство ей Небесное, говорила всегда, что готовлю я замечательно. Вы любите с мясом? Все, кого я знаю, с мясом просто обожают! Я, конечно, умею еще с капустой и с яйцами, но у некоторых — такая беда! — случается от этого несварение. Если хотите, я могу вам приготовить и те, и другие, как пожелаете, но с яйцом и капустой я все-таки не советовала бы, как говорила моя покойная мамочка, Царство ей Небесное, лучше всего у меня получались именно с мясом. Она придвинулась и поглядела прямо на меня, выжидательно, чуть смеясь одними глазами. Рот приоткрыт, будто затих на полуфразе, на полувздохе; от того, что она почти касалась своим тучным телом меня, я услышал приторный запах духов, этих жутких, совершенно невозможных духов и еще запах её тела. Я замялся, сказал, что если ей нужен журнал, то пусть берет, но только с возвратом, потому что мне еще нужно его заполнить, и что, вообще-то, рабочий день еще не кончен, и что пирожки я не люблю, что меня еще в детстве тошнило в гостях у тети Лены пирожком, и что все тогда смеялись, а мне было противно. На всю жизнь, говорю я, на всю жизнь этот случай отбил у меня желание есть пирожки, вы же понимаете, госпожа директриса, я бы с радостью,

но не могу, боюсь, будет плохо снова, а вы тогда, не дай бог, обидитесь. Она зыркнула на меня, отодвинулась и ушла, сказала, что понимает, но ушла и с тех пор никогда больше не подходила, только изредка поглядывала, когда я проходил мимо её кабинета или же когда она вышагивала по коридорам школы, а я в ответ старался не ловить этот злой, оскорбленный обидой взгляд.

— Молчите... — директриса постукивает перьевой ручкой по столу, подаренной на такой-то юбилей тем-то, за заслуги перед этим, в одном только желании быть угодным. Она ей не пишет, никогда она не пишет пером, да откуда у неё взяться чернилам? Однако, я знаю, я чувствую, держит её именно для таких вот случаев, когда призванный человек молчит, не может ничего толком разглядеть в её черных против солнца очертаниях, да, это месть! Мечь солнцу, что оно не на её стороне, а что оно со мной, не с ней. Я гляжу на её синюю перьевую ручку с золотой кнопочкой и слышу, что на улице сейчас играют мои дети, мои, мои, и что — вот-вот — и не будет ни их, ни меня.

Я гляжу на то место, где у черной тучи должно быть лицо и говорю:

— Делайте, что хотите.

Ручка начинает стучать быстрее и быстрее, а потом, уже через несколько мгновений, взбесившись окончательно, падает без сил на стол.

— Так, — произносит голосом, полным усталого раздражения, бесформенная туча. — Мы уже с вами тут сорок минут сидим, а вы никак не хотите понять — увольнять я вас не хочу, просто ставлю перед фактом. *То, что мне известно*, не очень хорошо: как для вас, так и для меня. Сами понимаете, я отвечаю за все, что творится в школе. И если я не услужу...

— Я не знаю, откуда у вас такая *информация*, — перебиваю её я. — И, если честно, знать не желаю. Если вы хотите меня уволить, не тяните, давайте сюда бумагу и я мигом напишу по собственному желанию. Спорить с вами и что-то доказывать я не собираюсь, я...

— Послушайте, Евгений Викторович, — чеканит грозовая туча, снова вцепившись в синюю перьевую ручку, заложницу, — мне совсем не нравится ваш тон. Я еще раз повторяю, что увольнять я вас не-хо-чу. Если вы сами так настаиваете на этом, то, разумеется, тут уж ничего не поделаешь. Вы можете уйти хоть сейчас, я вас насильно держать не могу и не хочу. Но вы должны понять, что бежать от этой проблемы нельзя. Было бы лучше, если б вы все мне рассказали и мы уладили это дело по-тихому, ни-

кого к этому не привлекая. Если все подтвердится, то так и быть, полиции я сообщать не буду, школе такая репутация не нужна, но и детей в таком случае я вам доверить не смогу. Вам лучше сказать, Евгений Викторович, было такое на самом деле или нет. Говорите прямо, потому что иначе выйдет скандал, даже если вы невиновны, все всё прознают, тогда пиши пропало и вашей учебной деятельности, и вашей жизни...

— Я еще раз вам повторяю, что я не в курсе, о чем вообще идет речь, то, что вам «известно», ко мне никакого отношения не имеет, и я... — я выдыхаю скопившийся внутри воздух, замолкаю, она тоже.

Сидим, я с опущенными глазами, она — на меня в упор. Между нами лежит чистый лист бумаги, заблаговременно туда положенный пухленькой секретаршей Светой, которая все знала и без этого. Я смотрю на него, потом на свои ру-

ки, сцепленные пальцы и думаю, что вон там, в нескольких десятках метров от меня играют после уроков *мои* дети, к которым ни этот лист бумаги, ни эта растекшаяся масса директрисы не имеет ровным счетом никакого отношения. Мои, мои, и только *мои*, да они это и сами прекрасно знают, нет, даже не так, они *чувствуют* это, что принадлежат только мне, и я в свою очередь верен только им и никому больше. Я слышу, как громко смеется и потом что-то пищит Юля, ей девять лет, она любит читать и еще у неё есть собака по кличке Дюк; я подарил ей несколько книг, а после делал с ней уроки, *её* уроки, заданные мной же, когда все остальные дети разбредались к столикам настольный игр во время продленки. Я беру лист сияющей белизной бумаги в руки, достаю простую шариковую ручку без колпачка, который был потерян при первом же использовании, и начинаю писать.